

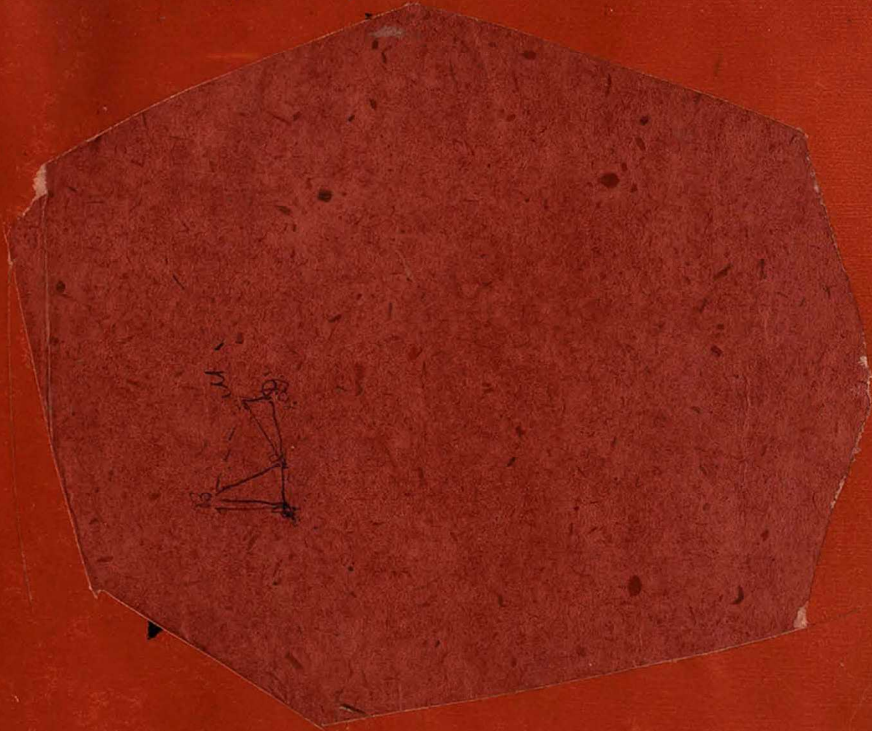
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

ФЕВРАЛЬ.

№ 7.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЕСНА ИДЕТЬ!... (стих.).
ПО ПУТИ ВЪ ХУТОРОКЪ.
ВЪ ЗООЛОГИЧЕСКОМЪ САДУ.
НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

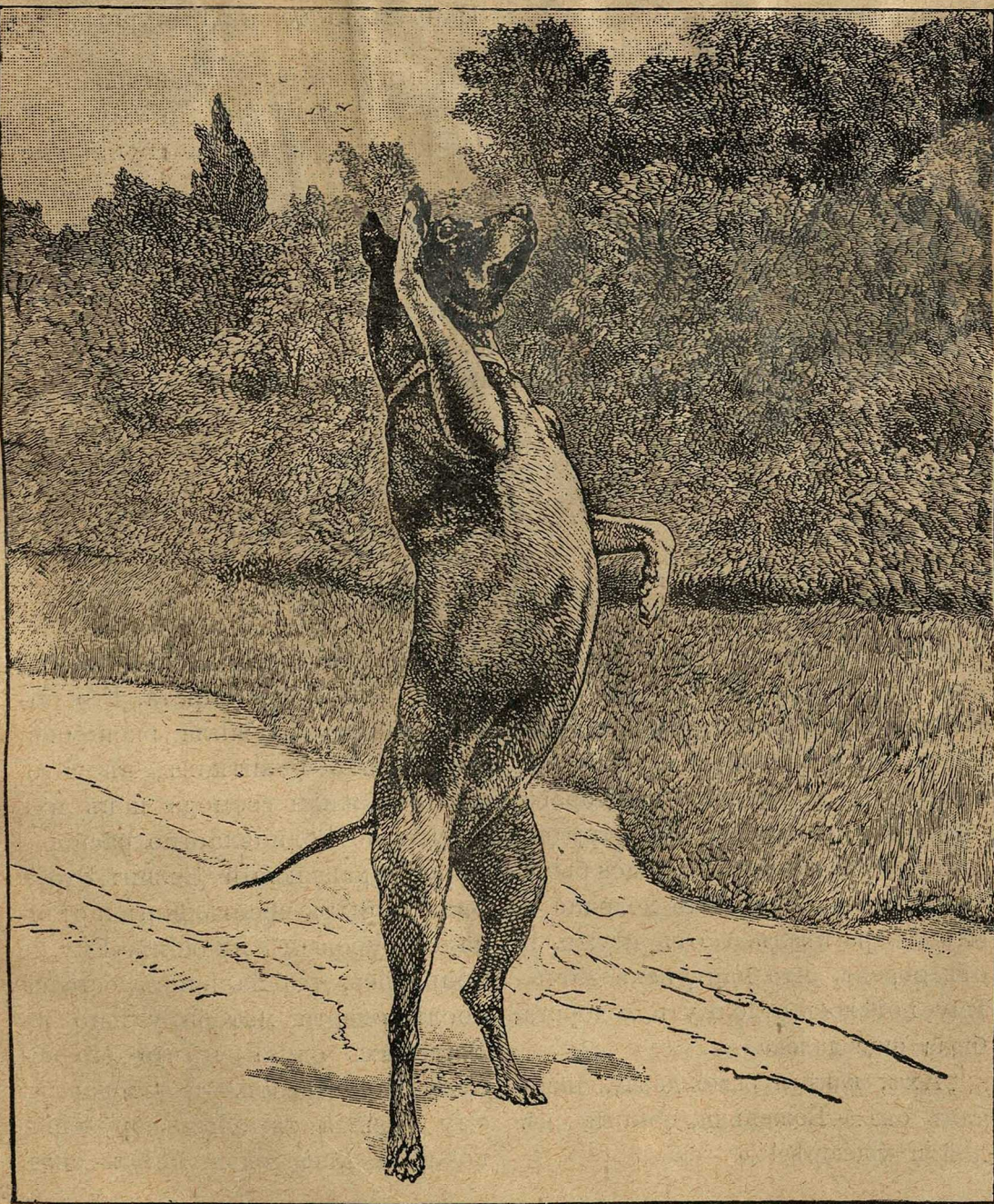
Олень и собаки. (Игра).
Японскій извощикъ (для склеиванія).

№ 7. Февраль. 1915. Годъ изданія VIII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Радъ стараться!

исполнять. Такъ и теперь Вася былъ посланъ съ телеграммой на станцію за двѣнадцать верстъ пѣшкомъ и долженъ былъ пѣшкомъ-же возвращаться обратно и единственнымъ его желаніемъ было какъ можно скорѣе добраться домой. Въ десять лѣтъ еще можно не быть храбрецомъ и потому все по дорогѣ его пугало: и голыя деревья, казавшіяся ему великанами, и пни, походившіе въ темнотѣ на черныхъ людей, и свѣтившіяся гнилушки.

„Поскорѣе-быдобратьсядомой“.. думалъ онъ.

Но вотъ далеко позади него раздается стукъ колесъ. Вася останавливается и прислушивается. Стукъ становится все ближе и наконецъ мальчика догоняетъ и перегоняетъ маленькій тарантасъ. Въ немъ сидятъ двое: мужчина и женщина. Сквозь темноту Вася узнаетъ ихъ: это Иванъ Федорычъ и Пелагея Степановна съ сосѣдняго съ Ракитками хутора Софонтьевки. Они ѣдутъ, очевидно, изъ города, потому что всѣ обложены покупками.

— Здравствуйте, Иванъ Федорычъ! кричитъ Вася и снимаетъ фуражку.

Мужская фигура тоже приподнимаетъ шапку и тарантасъ проѣзжаетъ мимо.

„Вотъ-быприцѣпитьсясзадиипоѣхать“!.. думаетъ Вася.

Это было-бы по дорогѣ и Васѣ

не было-бы такъ страшно. Онъ такъ усталъ и, сидя на запяткахъ, могъ-бы отдохнуть... Но онъ не уловилъ момента; тарантасъ проѣхалъ далѣе, и Вася снова остался одинъ. Впереди слышалось громыханье колесъ по кочковатой, замерзшей дорогѣ и, судя по тому, что громыханье это не прекращалось еще долгое время, Вася рѣшилъ, что Иванъ Федорычъ, отѣхавъ немного впередъ, сталъ продолжать путь далѣе уже шагкомъ.

Какъ вдругъ послышался какой-то странный стукъ, кто-то взвизнулъ и затѣмъ раздался голосъ Ивана Федорыча:—Тпрруу!..

„Должно быть, тарантасъ свалился“... подумалъ Вася.—„Не ушиблась-ли Пелагея Степановна“?

Несмотря на сильную усталость, онъ побѣждалъ-было на помощь, но тарантасъ снова застучалъ колесами и покотился далѣе. Вася убавилъ шаги и побрелъ вслѣдъ за нимъ домой.

Вотъ и то мѣсто, гдѣ Иванъ Федорычъ крикнулъ „тпрруу“!.. Здѣсь глубокая колея и даже сейчасъ замѣтно въ темнотѣ, какъ по ней прошло по самую ступицу заднее колесо. Но что это такое? Что это бѣлѣтся на землѣ?

Вася наклоняется и видитъ, что это одна изъ покупокъ. Онъ поднимаетъ ее. Вѣроятно, она свалилась съ тарантаса, когда онъ подпрыгнулъ на колеѣ. И какъ изъ

свертка вкусно пахнетъ! Вася ощущаетъ его и убѣждается, что тамъ французскія булки и какой-то еще сдобный хлѣбъ. А ему, какъ разъ страшно хочется ѣсть. Онъ не ѣлъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышелъ изъ дому и у него уже нѣсколько разъ начинало болѣть подъ ложечкой. Что, если онъ разорветъ сейчасъ бумагу, вытащить оттуда одну изъ булокъ и съѣсть?

И онъ уже почувствовалъ, какъ захрустѣла у него на зубахъ поджаристая корочка и какъ вдругъ аппетитно прошелъ черезъ его горло разжеванный кусокъ... Но онъ не далъ себѣ воли, вспомнилъ что это—чужое, и со всѣхъ ногъ бросился догонять тарантасъ.

— Иванъ Федорычъ! Иванъ Федорычъ! кричалъ онъ.—Остановитесь! Подождите!

Иванъ Федорычъ остановился. Вася подбѣжалъ къ тарантасу и протянулъ къ Пелагеѣ Степановнѣ ее покупку.

— Вотъ... возьмите... залепеталъ Вася, едва переводя отъ усталости духъ.—Это ваше... Вы уронили, а я нашелъ!..

Пелагея Степановна приняла отъ него пакетъ и поблагодарила. Постояли, поговорили, вновь уложили всѣ вещи.

— Да ты откуда идешь? спросилъ Иванъ Федорычъ.

— Со станціи... отвѣтилъ мальчикъ.

Супруги переглянулись.

— Такъ далеко и въ такую темноту? продолжалъ Иванъ Федорычъ.—А куда ты идешь?

— Къ себѣ домой... Въ Ракитки..

— Такъ это намъ по пути! Садись, я подвезу! Поѣдемъ вмѣстѣ!

Вася съ радостью взобрался на тарантасъ. Онъ весь былъ занятъ покупками и Иванъ Федорычъ и Пелагея Степановна усадили его между собой и покрыли ему ноги общимъ ковромъ. Пріятная теплота разлилась по всему тѣлу Васи и въ тѣснотѣ, сжатый, какъ въ тискахъ, онъ почувствовалъ себя, точно за печкой, положилъ голову къ сосѣдкѣ на плечо и, укачиваемый подпрыгиваніемъ тарантаса по кочкамъ, быстро заснулъ.

— Бѣдный мальчишка! шепнула Пелагея Степановна мужу.— Усталъ, голубчикъ... Да и шуткали?.. Пробѣжаться взадъ и впередъ по двѣнадцати верстѣ!.. Это и лошади-то не подъ силу!.. И бываютъ-же такіе люди, что посылають, прости Господи!..

Она осторожно и ласково повернула Васю такъ, что онъ всѣмъ тѣломъ оказался у нея на колѣняхъ и положилъ голову ей на грудь.

— Маленькій! продолжала она.— Всего лѣтъ восемь или девять!..

— Да это чей мальчикъ? спросилъ Иванъ Федорычъ.

— Кажется, я видѣла его у Зязина въ Ракиткахъ! Не тотъ-ли это сирота, который остался у

него послѣ смерти экономки Марьи? Да, да! Это онъ!

Иванъ Федорычъ наклонился надъ Васей и, воспользовавшись просвѣтомъ въ лѣсу, оглядѣлъ его лицо.

— Такой былъ-бы теперь и нашъ Вася... сказалъ онъ угрюмо и глубоко вздохнулъ.— Но, милая!..

И онъ дернулъ за вожжи. Лошадка взмахнула хвостомъ и побѣжала веселѣе. Всю дорогу затѣмъ супруги молчали.

Черезъ полчаса въ темнотѣ привѣтливо засверкали огоньки въ Софонтьевкѣ и на темномъ звѣздномъ небѣ обрисовались два высокіе тополя, стоявшіе у вѣзда въ хуторъ.

— Приѣхали!..

Все время Вася спалъ. Пелагея Степановна приподняла его съ колѣнъ и слѣзла съ тарантаса, Иванъ Федорычъ тоже сошелъ на землю. Вася такъ и остался лежать въ тарантасѣ.

— До Ракитокъ еще двѣ версты, сказала Пелагея Степановна,— а уже поздно. Вонъ и туча заходить, какъ-бы не пошелъ дождь или снѣгъ! Будить мальчика жалко, а оставить его здѣсь одного, на дорогѣ, до утра—грѣхъ. Развѣ взять его къ себѣ? Пусть онъ переночуетъ у насъ! Какъ ты думаешь, Иванъ Федорычъ?..

— Конечно, пусть переночуетъ! отвѣтилъ ей мужъ.— Онъ насъ не стѣснитъ.

Она обрадовалась и, подойдя къ мужу, заглянула ему въ глаза и тихонько и заискивающе сказала:

— Мы его положимъ въ кровать нашего покойнаго Васи!.. Хорошо?.. Ты позволишь?

Ему и самому это было пріятно и онъ отвѣтилъ:

— Какъ хочешь... Только не хватились-бы его дома! Подумаютъ, что онъ пропалъ.

Въ это время лошадь дернула тарантасъ, и Вася проснулся.

— Слѣзай, миленькій!.. обратилась къ нему Пелагея Степановна.— Приѣхали!

Она взяла его за руку и ввела его въ крыльцо. Вышла какая-то женщина и стала принимать отъ нея покупки. Какой-то мужчина взялъ въ темнотѣ лошадь и увелъ ее къ конюшнѣ. Затѣмъ всѣ вошли въ тепло натопленный домикъ. Горѣла лампа, пахло только что помытыми полами и повсюду лежали дорожки. Большіе часы съ необыкновенно длиннымъ маятникомъ и двумя тяжелыми гириями показывали десять. На столѣ кипѣлъ самоваръ. Было уютно и ласково въ этомъ жилищѣ ласковыхъ людей.

— Ну, вотъ и приѣхали!.. сказала Пелагея Степановна.— Теперь можно будетъ выпить и чайку! Хочешь ѣсть? обратилась она къ Васѣ.

Онъ улыбнулся. Чѣмъ-то сказочнымъ, милымъ, какъ дѣтскій сонъ,

повѣяло на него отъ этихъ людей и отъ этой ихъ уютной, скромной обстановки.

— Хочу... отвѣтилъ онъ стыдливо.

— Такъ садись скорѣе за столъ!

И всѣ усѣлись за ужинъ. Ахъ, съ какимъ аппетитомъ онъ поѣлъ вкусныхъ, ароматныхъ щей, съ какой жадностью ѣлъ потомъ мясо и какимъ душистымъ показались ему затѣмъ бѣлый хлѣбъ и чай! Онъ ѣлъ и боялся, какъ-бы у него не отняли его ѣды, а Пелагея Степановна все подкладывала ему и все повторяла:

— Кушай, голубчикъ! Ъшь больше! Ты растешь!

Какъ давно уже съ нимъ не обращались такъ ласково и сколько уже времени не только не угощали его, какъ здѣсь, а даже отнимали у него и то, что онъ имѣлъ! И онъ повеселѣлъ, заулыбался и если-бъ не усталость и не одолѣвавшій его сонъ, то онъ все ѣлъ-бы, ѣлъ-бы и ѣлъ.

— Ну, что-жь?.. вдругъ сказала Пелагея Степановна. — Пора и спать!

И опять она, какъ мать, взяла его за руку и повела.

— Пойдемъ, голубчикъ! сказала она.

Она ввела его въ сосѣднюю комнату, въ которой стояла маленькая, дѣтская желѣзная кровать, на которой все было въ такомъ

порядкѣ, точно на ней давно уже никто не спалъ.

— Ложись сюда! сказала она.

Онъ быстро раздѣлся и легъ. Она укрыла его по шею одѣяломъ и долго его ласкала. Онъ давно уже не видалъ ласки, ему было какъ-то неловко, но что-то теплое и необыкновенно пріятное наполнило его душу. Онъ поймалъ ея руку и поцѣловалъ. Она потрепала его по щекѣ, перекрестила и вышла.

— Совсѣмъ, какъ нашъ покойный Вася!.. сказала она мужу и Вася услышалъ эту фразу и понималъ, въ чемъ дѣло.

— „Такъ, значить, у нихъ былъ сынъ“, подумалъ онъ, — „который спалъ на этой кровати и котораго тоже звали Вася!.. Отчего же онъ умеръ?“

И онъ вспомнилъ, какъ годъ тому назадъ говорили, что въ Софонтьевкѣ появилась скарлатина, и даже боялись заноса ея въ Ракитки. Но онъ тогда не обратилъ на это вниманія и какъ-то пропустилъ мимо ушей. Онъ сталъ припоминать, но мысли его запутались, и онъ заснулъ.

Подъ утро ему приснилось, что около него стоитъ на колѣняхъ его мать и обнимаетъ его за талию. Онъ обрадовался этому и, боясь, какъ бы она отъ него опять не ушла, во все горло крикнулъ:

— Мамочка! Мама!

И проснулся. Около него дѣй-

ствительно стояла на колѣняхъ женщина, но только не мать, а Пелагея Степановна. Онъ вспомнилъ, что крикнулъ „Мамочка! Мама!“, и ему стало неловко.

— Извините, тетенька... сказалъ онъ.—Я думалъ, что вы—моя мама...

— Ничего, ничего, голубчикъ! ободрила она его.—Зови меня такъ!

Съ своей стороны она тоже была взволнована чѣмъ-то и Вася замѣтилъ у нея на глазахъ слезы. Пока онъ одѣвался, она вышла въ сосѣдную комнатку и сказала мужу:

— Ты знаешь, Иванъ Федорычъ?.. Вѣдь онъ сейчасъ назвалъ меня мамой!

Иванъ Федорычъ еще ниже наклонился надъ тѣмъ, что разсматривалъ на столѣ.

— Ну, что-жь?.. отвѣтилъ онъ.— Должно быть, онъ хорошій мальчикъ!

И, приготовивъ чай, Пелагея Степановна достала изъ печки только что испеченныя пышки и разложила ихъ на столѣ.

— Ты уже готовъ? обратилась она черезъ дверь къ Васѣ.—Такъ иди же скорѣе пить чай! Кстати, какъ тебя зовутъ?

— Вася!.. отвѣтилъ мальчикъ, появляясь у двери.

Супруги переглянулись. Пелагея Степановна утерла затѣмъ глаза кончикомъ фартука и, наклонившись къ мужу, тихо сказала:

— Ты видишь? Его тоже зовутъ Васей!..

Иванъ Федорычъ вынулъ изъ кармана красный платокъ и, не обернувшись къ женѣ и не отвѣтивъ, громко сморкнулся. Она тотчасъ же поняла это его сморканье и заглянула ему въ глаза.

— Ты плачешь? спросила она.

— Нѣтъ, я только такъ... отвѣтилъ онъ.—Вспомнилъ о нашемъ сынкѣ...

Затѣмъ всѣ трое молча пили чай. Напившись, Иванъ Федорычъ снялъ съ вѣшалки пальто и фуражку и, также молча, вышелъ на дворъ посмотреть по-хозяйству. Пелагея Степановна тотчасъ же послѣдовала за нимъ. Вася остался въ комнаткѣ одинъ.

— Остановись, Иванъ Федорычъ, я тебѣ что-то скажу, начала Пелагея Степановна и взяла его за руку.

Онъ остановился, но не обернулся къ ней, боясь выдать свое волненіе.

— Его тоже зовутъ Васей... продолжала она.—Ему тоже десятый годъ, какъ и нашему сыночку, который лежитъ теперь въ могилкѣ!.. А этотъ Вася—сирота, о немъ некому позаботиться и некому его пожалѣть. Ты посмотри, какая на немъ рубашка, какіе сапожонки! Страхъ глядѣть! А у насъ съ тобой, съ тѣхъ поръ какъ умеръ нашъ сыночекъ, некого любить, не о комъ позаботиться, не о комъ

Двѣ куколки.

Сѣверное сіяніе.

подумать. А умремъ—кто насъ помянетъ? Такъ и живемъ съ тобой, ненужные никому! А придетъ смерть—и не вспомнить объ насъ никто! Даже мы работать съ тобой оба перестали! Да и къ чему? Для кого? Я плачу каждую ночь, да и у тебя тоже вотъ носъ красный... Зачѣмъ отворачиваешься? Всю эту ночь я отъ радости не смогла заснуть, а когда онъ назвалъ меня сейчасъ мамой, то кровь бросилась мнѣ въ лицо, и я чуть отъ радости не сошла съ ума. Ахъ, Иванъ Федорычъ, Иванъ Федорычъ! Хорошо ли мы сдѣлаемъ, если отпустимъ этого сиротку отъ себя? Ты погляди, въ чемъ онъ одѣтъ, во что обутъ!.. А на дворѣ погода-то какая!

И, дѣйствительно, въ эту минуту пошелъ мокрый, неприятный снѣгъ.

Иванъ Федорычъ долго ничего не отвѣчалъ женѣ. А затѣмъ онъ растегнулся, досталъ изъ кармана красный платокъ, медленно его развернулъ и опять медленно въ него сморкнулся.

— Если это можетъ тебя утѣшить, сказалъ онъ наконецъ,—то, что-жъ?.. Я — ничего... Можешь оставить этого Васю у себя совсѣмъ!.. Онъ, кажется, мальчикъ хороший... Что-жъ? Я—ничего!.. Я буду его одѣвать, кормить и... и любить, какъ родного сына!

Улыбка освѣтила лицо Пелагеи

Степановны, такая улыбка, точно лучъ солнца вдругъ вспыхнулъ въ ея глазахъ. Она вскрикнула, быстро поцѣловала своего мужа въ щеку и бросилась въ домикъ къ Васѣ. Онъ все еще сидѣлъ за столомъ и жевалъ. Ему не хотѣлось уходить домой.

— А ну-ка еще разъ назови меня мамой! воскликнула она.

Онъ хотѣлъ-было это сдѣлать, но она бросилась къ нему, стала его обнимать, цѣловать и не дала ему говорить. Въ это время вернулся со двора Иванъ Федорычъ и, взявши Васю за подбородокъ, весело поглядѣлъ ему въ самые глаза.

— Ну, что, Вася? обратился онъ къ нему.—Ты, значить, остаешься у насъ совсѣмъ? Теперь ты нашъ? А?

Вася глядѣлъ на него во всѣ глаза, не вѣрилъ своимъ ушамъ, и все, что происходило съ нимъ теперь, казалось ему прекраснымъ, очаровательнымъ сномъ, отъ котораго ему не хотѣлось проснуться. А затѣмъ онъ не выдержалъ и сталъ плакать. Плакать и смѣяться. Впрочемъ, отъ счастья не умираютъ, а счастье только еще начиналось для него и только улыбалось ему впереди.

Въ тотъ же день Иванъ Федорычъ отправился въ Ракитки, чтобы заявить тамъ, что Вася у него, и что онъ беретъ его къ себѣ совсѣмъ.

К. Тр.

ВЪ ЗООЛОГИЧЕСКОМЪ САДУ.

Зоологическій садъ. Небольшой прудокъ, огороженный проволочною сѣткой. Въ грязной водѣ плещутся разноцвѣтныя утки, привезенныя изъ чужихъ странъ и крикаютъ. Большой взъерошенный лебедь сидитъ неподвижно на берегу, засунувъ подъ крыло голову, и не шелохнется: точно окаменѣлъ. Въ мелкой водѣ стоятъ рядомъ журавль и громадный, розовый фламинго, завернувъ длинную шею узломъ. Слышно, какъ вдалекѣ рыкаютъ въ клѣткахъ голодные звѣри.

— Я долженъ тебѣ сказать безъ хвастовства, началъ фламинго, обращаясь къ журавлю, — что изъ всѣхъ голенастныхъ птицъ — я самая красивая во всей природѣ. Ты посмотри на мои розовыя перья, на мой ростъ, на величественную осанку! Гдѣ ты найдешь другую такую птицу, которая могла-бы такъ свободно связывать шею узломъ, какъ это дѣлаю я? Обрати вниманіе также и на то, что я ростомъ выше нашего сторожа, который кормитъ насъ какой-то невкусной ерундой. Когда наше стадо прилетаетъ куда-нибудь на озеро и становится на его берегу, то издали кажется, что это — розовая стѣна: такъ всегда бываетъ насъ много и такъ тѣсно мы стоимъ другъ къ другу. Мы любимъ

большое общество и мнѣ такъ скучно жить здѣсь одному! Я отдалъ бы половину своей жизни, чтобы только возвратиться къ себѣ на родину.

— А ты гдѣ родился? спросилъ журавль.

Фламинго загнулъ назадъ шею, протянулъ ее черезъ всю спину, просунулъ голову между ногъ и почесалъ себѣ клювомъ животъ.

— Я родился въ Аѳрикѣ на берегу какой-то большой рѣки, продолжалъ фламинго, — по топкимъ берегамъ которой бродили бегемоты, слоны и грѣлись на солнцѣ крокодилы; изъ этой рѣки приходили пить львы, жираффы и носороги. Въ листвѣ деревьевъ играли забавныя обезьяны и ихъ передразнивали красивые зеленые попугаи. Всѣхъ этихъ диковинныхъ звѣрей ты, конечно, можешь увидѣть и въ этомъ звѣринцѣ, но здѣсь они всѣ въ клѣткахъ, тоскуютъ по родинѣ и уже не такъ красивы, какъ тамъ... Я отлично помню, какъ я родился.

Фламинго опустилъ всю голову въ прудокъ и зарылся клювомъ въ тинѣ. Порывшись въ ней, онъ поднялъ голову, зашевелилъ шеей такъ, что она стала походить на змѣю и проглотилъ тину.

— Какая невкусная гадость!..

сказалъ онъ гадливо.—У меня на родинѣ тина прямо кишитъ различными вкусными червяками и улитками... А отъ этой тины, да еще отъ той каши, которою кормить насъ сторожъ, я теряю свою розовую окраску и съ каждымъ днемъ приобрѣтаю грязно-бѣлый цвѣтъ. О, пища для насъ очень много значить!..

— Да ты лучше расскажи, какъ ты родился! сказалъ журавль.

— Когда я только-что вылупился изъ яйца, то увидалъ преинтересную картину! радостно воскликнулъ фламинго.—Это лучшее воспоминаніе моей жизни! Представь ты себѣ берегъ рѣки и на немъ сдѣланы изъ грязи высокіе столбики, похожіе на кулички. Столбики эти обсохли и на ихъ вершинахъ устроены гнѣзда; въ каждомъ гнѣздѣ по два бѣлыхъ продолговатыхъ яйца. Когда фламинго высидиваетъ свои яйца, то она сидитъ на такомъ куличѣ прямо животомъ, свѣсивъ свои длинныя ноги по бокамъ. Это очень забавно. Если она устанетъ сидѣть на яйцахъ, то рѣзкимъ крикомъ призываетъ къ себѣ своего супруга и онъ ее тотчасъ-же замѣняетъ. Какъ только я пробилъ своимъ клювомъ скорлупу въ яйцѣ и выглянулъ на свѣтъ Божій, то мать тотчасъ-же разломала ее со всѣмъ и вынула меня тоже клювомъ изъ нея и положила на солнце.

— „Обогрѣйся на солнышкѣ! сказала она.— Вотъ такъ!“

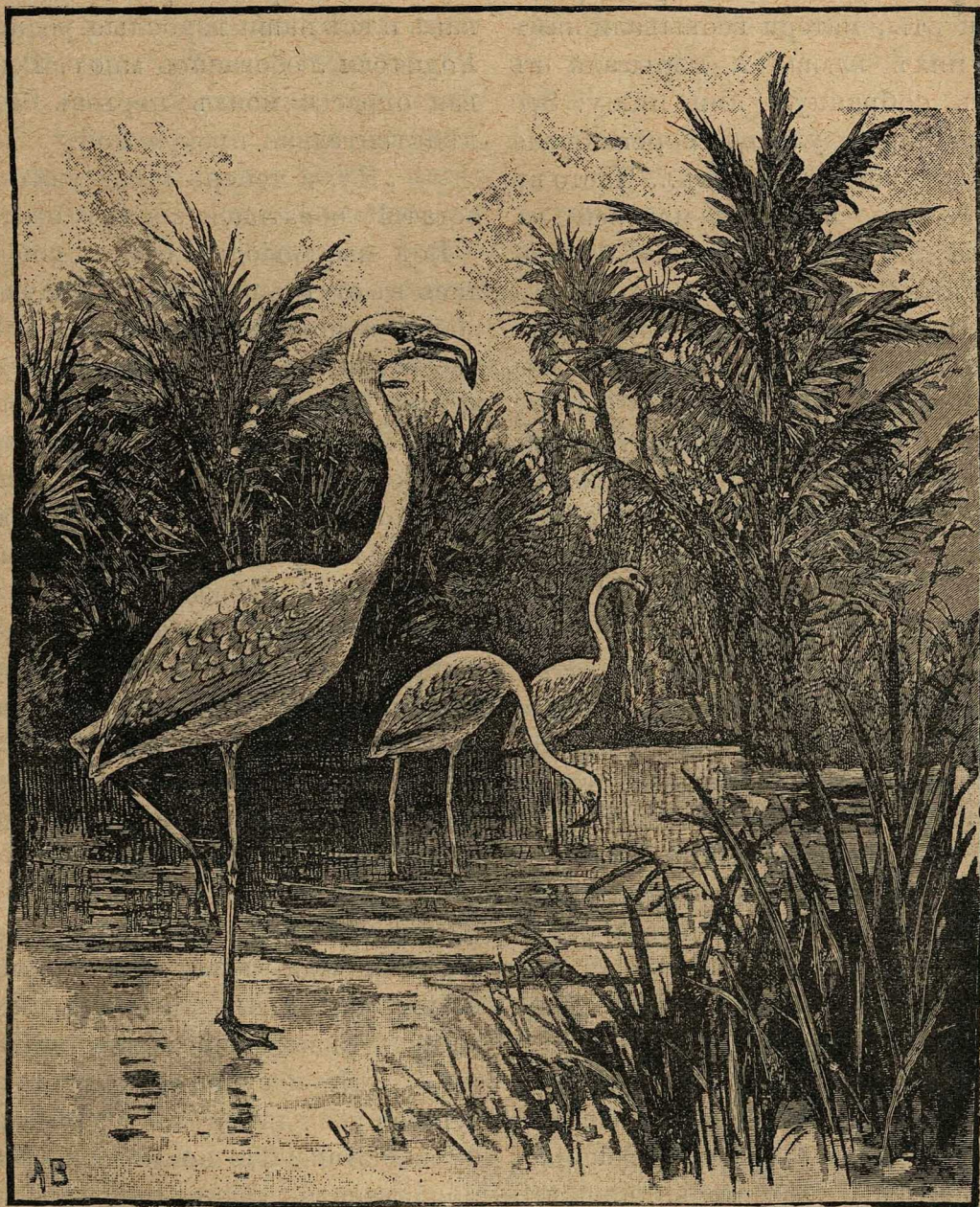
Я съ удивленіемъ оглядѣлся по сторонамъ. Вокругъ меня возвышались сотни тысячъ такихъ же высокихъ гнѣздъ, какъ и то, на которомъ я родился. На однихъ изъ нихъ еще сидѣли взрослые фламинго, въ другихъ еще лежали яйца, а въ третьихъ грѣлись на солнышкѣ такіе-же новорожденные птенцы, какимъ былъ и я. Всѣ они, какъ и я, были совершенно безъ перьевъ, голенькіе, и съ прямыми, какъ у тебя, клювами. Мой клювъ изогнулся такъ только впоследствии, когда я уже выросъ и сталъ большимъ. На берегу розовой стѣной стояли наши отцы и матери и вели между собой разговоръ и цѣлыя сотни изъ нихъ летали надъ рѣкой, описывая въ воздухѣ круги.

— „Какой хорошенькій!“ указала на меня моя мать отцу.—

— „Да, очень милъ!“ отвѣтилъ отецъ.—„Жалко только, что онъ у насъ родился одинъ. Другое яйцо оказалось болтуномъ. Теперь ему придется, бѣднягѣ, отыскивать себѣ подругу жизни гдѣ нибудь въ чужой семьѣ...“

Затѣмъ оба принялись меня выкармливать. Впрочемъ, отецъ скоро предоставилъ это дѣлать моей матери одной, такъ какъ я былъ у нихъ единственнымъ сыномъ. Всѣ наши матери оставляли насъ, малышей, однихъ и отправлялись

добывать для насъ кормъ. Въ ихъ изъ насъ даже никакъ не могли отсутствіе мы иногда вывалива- взобраться обратно и дожидались

Къ разсказу „Въ зоологическомъ саду“.

лись изъ нашихъ гнѣздъ, смѣшно возвращенія матерей. Прилетали барахтались въ водѣ и нѣкоторые матери, наказывали непослушныхъ

ударами клювовъ, сажали ихъ обратно въ гнѣзда и начиналась кормежка. Мы всѣ широко разѣвали рты, матери всовывали намъ въ нихъ клювы и изрыгали въ насъ собранную ими пищу. Это были черви, улитки, перегнившая трава, кусочки рыбокъ... Часто въ отсутствіе нашихъ матерей къ намъ приходили носороги, бегемоты, являлся пить левъ, но никто изъ нихъ насъ не трогалъ. Даже крокодилы не хватили насъ за ноги, а мирно дремали на берегу, широко раскрывъ свои пасти. При этомъ мы глядѣли, какъ какія-то маленькія птички безбоязненно разгуливали у нихъ во ртахъ и выклевывали застрявшіе у нихъ въ зубахъ остатки пищи.

— „Учись поскорѣе плавать!“ обратилась ко мнѣ мать, когда я немножко подросъ.— „А то послѣ некогда будетъ!.. Придется отсюда улетать!..“

И я сталъ учиться плавать.

— Развѣ ты дѣйствительно умѣешь плавать? перебилъ журавль фламинго.

— Да еще какъ! отвѣтилъ фламинго,—лучше лебедя и утки! Не смотря на то, что у меня длинныя ноги, какъ у журавля, у меня все таки есть на лапахъ перепонки, чего нѣтъ у тебя. Ты видишь, что въ одно и то-же время я похожъ и на гуся, и на журавля! Я могу и плавать, и летать, и бродить по водѣ ногами, и рыться въ болотѣ...

Вообще я удивительная птица! Но буду продолжать. Къ концу лѣта я уже весь обросъ перьями и сталъ, какъ и всѣ наши взрослые родичи. Родители любовались мною. Розовая окраска моихъ перьевъ была дѣйствительно прекрасной.

— „Ну, а теперь надо учиться летать!“ обратился ко мнѣ отецъ.

Всѣ мы, молодыя птицы, собрались въ отдѣльное стадо и сначала робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе стали описывать въ воздухѣ круги. Въ какую-нибудь одну недѣлю мы научились летать такъ, что готовы были совершить самое длинное путешествіе, а оно уже для всѣхъ насъ было не за горами. Приближался дождливый сезонъ, который соотвѣтствуетъ здѣшней вашей зимѣ, и мы всѣ должны были летѣть въ другое мѣсто, гдѣ солнце свѣтитъ ярче и гдѣ рѣки не разливаются вовсе. Суди самъ, гдѣ было бы взять корму, если рѣки отъ дождей разливаются такъ, что становятся похожими на моря. И едва только начинаются въ нашихъ мѣстахъ дожди, какъ всѣ звѣри—тигры, бегемоты, жираффы, антилопы и львы тотчасъ-же убѣгаютъ туда, гдѣ посуше, и часто совершаютъ для этого громадныя путешествія. Ты не можешь себѣ представить, какая удивительная вещь голодъ! Вотъ насъ здѣсь съ тобой кормятъ въ опредѣленные часы, опредѣленной пищей,— и поэтому насъ съ тобой никуда

не тянеть. А если-бы нами руководилъ голодъ и при этомъ мы были-бы свободны,—о, какія-бы мы тогда совершали интересныя путешествія! Ты повѣришь? Въ моей жизни бывали случаи, когда мы улетали за сотни верстъ, чтобы только найти себѣ пищу и утолить ею голодъ. Конечно, отъ движенія у насъ аппетитъ развивался еще больше и съ какимъ аппетитомъ мы тогда ѣли то, что могли найти! Здѣсь же совсѣмъ не то... Даже и глядѣть на ѣду не хочется! На всѣхъ васъ смотрѣть надоѣло! А когда голоденъ и свободенъ, какихъ только звѣрей не встрѣтишь по дорогѣ, какихъ только видовъ не увидишь! Я помню голубыя горы, заходившія за облака, непроходимыя тропическіе лѣса, изумительныя водопады, бесплодныя сыпучія пустыни... А здѣсь у васъ что? Сѣрое небо, эта грязная лужа, рѣшотки, эти то-скливыя рыканія львовъ и всѣ вы, такіе унылыя, оборванныя, грязныя!.. На что мы здѣсь похожи? Толчемся цѣлыя мѣсяцы все на одномъ и томъ-же мѣстѣ и ждемъ, когда придетъ сторожъ со своей прокислой кашей... Да я отдалъ-бы сейчасъ половину своей жизни, чтобы только побродить часовъ пять по колѣно въ водѣ или пролетѣть верстъ восемьсотъ за одинъ полетъ!..

— Чего же ты не летишь сейчасъ? — спросилъ журавль.

— Крылья обрѣзаны! — съ грустнымъ вздохомъ отвѣтилъ фламинго. — Если бы человѣкъ не обрѣзалъ мнѣ крылья ножницами, то я давно ужъ былъ бы у себя въ Африкѣ!

— И нашелъ бы туда дорогу?

— Конечно! Каждый изъ насъ обладаетъ тѣмъ, что человѣкъ называетъ „чувствомъ направленія“. Гдѣ бы я ни былъ, куда бы меня ни загладила судьба, — я съ закрытыми глазами всегда найду дорогу домой. Чувство направленія всегда укажетъ мнѣ дорогу. Возьми хотя бы вотъ самаго простого голубя, посади его въ клѣтку, зашей эту клѣтку въ мѣшокъ и подсуни ее подъ самое сидѣнье въ вагонъ. Завези этого голубя потомъ въ поѣздъ хоть за тысячу верстъ и когда ты выпустишь его затѣмъ на свободу въ совершенно незнакомомъ для него мѣстѣ, то все равно онъ прилетитъ обратно къ себѣ въ родную голубятню. Его приведетъ къ ней „чувство направленія“. Такъ и мы фламинго. Куда бы насъ ни завезли, мы всегда вернемся обратно.

— Мы тоже!.. подтвердилъ и журавль. — И у насъ есть такое же чувство направленія! Благодаря ему, мы совершаемъ наши далекіе перелеты въ теплыя края.

— Ну, вотъ видишь!.. Впрочемъ, я буду продолжать. Когда я выросъ и насталъ дождливый сезонъ, то все мы собрались въ одну гро-

Набѣгались.

Въ горахъ.

мадную стаю въ нѣсколько тысячъ птицъ. — „Давайте выбирать себѣ проводника!“ закричали многіе изъ насъ. — „Давайте! Давайте!“ отвѣтили имъ другіе. И всѣ мы приступили къ выборамъ. Мы долго всѣ кричали въ одинъ голосъ, хлопали крыльями и извивали наши шеи, — и результатомъ этого было то, что одинъ изъ нашей стаи выступилъ впередъ и оказался выбраннымъ. Это былъ старый фламинго, предводительствовавшій себѣ подобными уже не разъ. Мы всѣ должны были слушаться его безпрекословно и летѣть туда, куда бы онъ насъ ни повелъ.

— „Пора!“ крикнулъ онъ. — „Выстраивайтесь косяками! Полетимъ искать новыя мѣста!“

Мы тотчасъ же раздѣлились на партіи, поднялись на воздухъ и полетѣли клиномъ, вытянувъ впередъ шеи и назадъ ноги, такъ что каждый изъ насъ сталъ похожимъ на линію. Такъ мы летѣли долго, сначала черезъ залитыя разливомъ мѣста, а затѣмъ черезъ унылыя бесплодныя пустыни. Намъ хотѣлось пить, палило въ спины солнце и только къ вечеру второго дня мы долетѣли до какого-то большого озера. Съ какимъ наслажденіемъ мы опустились въ него и стали полоскаться въ его водѣ! Какъ сытно мы поужинали въ тотъ вечеръ! Затѣмъ мы всѣ вышли на берегъ и стали спать. Одинъ только нашъ вожакъ не

спалъ и всю ночь прободрствовалъ, охраняя нашъ покой. Приходили къ этому озеру пить зебры, антилопы, львы и даже слоны, но мы ихъ не боялись и продолжали спокойно спать. Но достаточно было появиться гдѣ-нибудь по близости человѣку, какъ нашъ проводникъ уже предостерегалъ насъ, мы тотчасъ же всѣ взлетали на воздухъ, описывали въ темнотѣ круги и перелетали на другое мѣсто. На слѣдующее утро мы полетѣли далѣе. По дорогѣ мы встрѣтили громадныя полчища ласточекъ, аистовъ и журавлей, которые летѣли къ намъ сюда на сѣверъ. — „Счастливаго пути!“ кричали мы имъ. — „Прилетайте къ намъ опять!“ Но они такъ стремились къ себѣ на родину, что не замѣчали нашего привѣтствія. Затѣмъ мы видѣли, какъ имъ на встрѣчу летѣла цѣлая туча саранчи и какъ они, понявъ опасность, сплотились всѣ въ одну общую массу и своею грудью отразили и уничтожили затѣмъ этихъ прожорливыхъ насѣкомыхъ. Мы видѣли цѣлыя стада страусовъ, на которыхъ нападали шакалы и которыхъ мужественно защищали зебры, поражая шакаловъ задними копытами. Мы видѣли удивительную вещь, какъ обезьяны сидѣли у опушки лѣса рядкомъ и стучали сухими палками, ударяя ими другъ о дружку, такъ что получался звукъ и это походило на

обезьяній окрестрѣ. Мы были свидѣтелями, какъ какія-то маленькія птички, уставшія во время перелета, сѣли на спины тоже летѣвшихъ на родину гусей, стали на нихъ отдыхать и какъ гуси безропотно несли ихъ на себѣ. Если бы я рассказалъ тебѣ обо всемъ, что я впервые увидѣлъ во время этого перелета нашего къ новымъ мѣстамъ, то ты пришелъ бы въ удивленіе и отказался бы мнѣ вѣрить...

Фламинго вытянулъ шею, замоталъ головой и звонко и пронзительно крикнулъ,

— И всего этого теперь нѣтъ!.. воскликнулъ онъ. — Я поймался, какъ дуракъ, мнѣ обрѣзали крылья и вотъ я стою здѣсь на одной ногѣ по цѣлымъ часамъ для того только, чтобы на меня смотрѣли праздные люди и видѣли, какъ я вовсе не жилъ на родинѣ и какимъ я вовсе не былъ тогда, когда пользовался свободой.

— Какъ же тебя поймали? полюбопытствовалъ журавль.

— Очень просто, хотя мнѣ и стыдно объ этомъ вспоминать, — отвѣтилъ фламинго. — Когда мы прилетѣли, наконецъ, на другое озеро и, войдя въ воду, стали въ немъ отдыхать, то несмотря на всю бдительность нашего вожака, какой-то человѣкъ обвѣшался со всѣхъ сторонъ вѣтками деревьевъ и водяной травой и подплылъ къ намъ. Нашъ вожакъ принялъ его

за пловучій островъ и не предупредилъ насъ. Я стоялъ самый крайній и ничего не подозрѣвалъ. Человѣкъ подплылъ къ самому нашему стаду, неожиданно схватилъ меня за ногу и утащилъ съ собою. И вотъ я здѣсь!..

Журавль задумался. Ему стало грустно.

— А знаешь что?—вдругъ сказалъ онъ.—Давай отростимъ себѣ крылья и улетимъ!

Фламинго угрюмо покачалъ головой.

— А про ножницы ты забылъ? спросилъ онъ.—Стоить только отрасти нашимъ крыльямъ хоть на вершокъ, какъ тотчасъ же явится нашъ сторожъ и своими ножницами ихъ острижетъ.

— Зачѣмъ же человѣку нужны наши страданія? Вѣдь, говорятъ, онъ разумнѣе всякаго животнаго! Зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ?

Фламинго протянулъ къ журавлю свою длинную шею и шепнулъ ему въ самое ухо:

— Если бы онъ былъ добрый, то этого не дѣлалъ бы... Главное въ жизни—это доброта! Кто добръ, тотъ любитъ и людей, и животныхъ, и весь Божій міръ, никого не лишаетъ свободы и никому не мѣшаетъ жить!..

Но онъ тотчасъ же спохватился и вытянулся во весь свой ростъ.

— Впрочемъ, зачѣмъ я все это тебѣ говорю! — грустно сказалъ онъ.—Все равно намъ здѣсь всѣмъ

погибать! Я не знаю еще ни одного животного, которое было бы счастливо и долговѣчно въ неволяхъ!

И онъ задумался. Журавль тоже

молчалъ. Рычали вдалекѣ въ клѣткахъ звѣри, гудѣлъ гдѣ-то фабричный гудокъ и сталъ накрапывать унылый, осенній дождикъ...

Родина, гдѣ ты?

С. Верт.—

НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.

(ПОВѢСТЬ).

Галя еще ни разу въ жизни не видала моря. Родившись въ Москвѣ, гдѣ служилъ ея отецъ, она не бывала больше нигдѣ, если не считать поѣздокъ, которыя она совершала къ бабушкѣ въ усадьбу. И вдругъ рѣшено было, что вся семья проведетъ у бабушки цѣлое лѣто, а Галя и ея мать Анна Егоровна отправятся на морскія купанья за границу.

Долго рѣшали, куда имъ ѣхать.

Стали подсчитывать время и деньги и рѣшили отправиться въ Ниццу; все таки тамъ теплѣе и постоянно свѣтитъ солнце, а это и нужно было для не отличавшейся здоровьемъ Анны Егоровны.

И вотъ, простившись съ папой и съ двумя братьями-гимназистами, Галя усѣлась въ вагонъ и вмѣстѣ съ мамой отправилась въ путь.

Граница, пересадка въ чужеземный поѣздъ, затѣмъ Парижъ и Лионъ все это пролетѣло передъ Галей какъ чудный сонъ. И вотъ она на берегу Средиземнаго моря, видѣть которое ей такъ хотѣлось и о которомъ она такъ мечтала.

Приѣхали въ Ниццу, сняли въ гостинницѣ двѣ комнаты, выхо-

дившія дверьми на одинъ и тотъ-же балконъ прямо на море, и стали раскладывать чемоданы.

Было уже темно, горѣли вездѣ огни и Галя то и дѣло выбѣгала на балконъ.

— Мамочка, милая! говорила она. Ну выйдемъ-же къ морю!—Пройдемся только одинъ разокъ и тотчасъ-же вернемся назадъ!

— Нѣтъ, милая, отвѣчала ей Анна Егоровна.— Надо еще развязать сундуки, разложить бѣлье и платья. Сейчасъ уже ночь... Пора спать... Мы не выйдемъ сегодня!

— Неужели придется ждать до завтра? вздохнула дѣвочка.

— Да, придется... Ложись - καλύτεе спать. Уже пора.

Она сдѣлала ей постельку, уложила ее и, уставшая отъ долгаго пути въ вагонѣ и опьянѣвъ отъ чистаго морского воздуха, Галя тотчасъ-же заснула и проспала, какъ убитая, до самаго утра. Ее разбудилъ голосъ мамы:

— Галя, вставай! Уже девять часовъ!

Галя открыла глаза, и въ первую минуту не поняла, гдѣ находилась, потомъ, вспомнивъ о вчерашнемъ вечерѣ и услышавъ ка-

кой-то шумъ на берегу, она быстро вскочила съ постели.

— Мамочка, что это шумить? спросила она.

— А это море! отвѣтила мама.

— Неужели море?

И однимъ прыжкомъ Галя выпрыгнула изъ кровати и побѣжала къ окошку. Море чуть-чуть волновалось. Волны одна за другой катились по берегу и разбивались о песокъ. Солнце отливало серебромъ на ихъ темно-синихъ гребешкахъ, и все море казалось то синимъ, то зеленымъ, то розовымъ.

— Ахъ, мама, воскликнула Галя въ восторгѣ,—какъ здѣсь хорошо!

И позабывъ на радостяхъ, что она была босикомъ и въ одной только ночной рубашкѣ, дѣвочка отворила дверь и выбѣжала на балконъ. Она увидала волны, бѣлые паруса рыбацкихъ лодокъ и кораблей и длинную полосу черного дыма на горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ показаться пароходъ.

Она такъ-бы и не вспомнила о себѣ при видѣ всей этой красоты, если бы не вошла мама и не напомнила ей, что нужно одѣться.

— Скорѣе, Галя! сказала она.— Уже девять часовъ! Пора идти купаться!

Галя быстро вбѣжала въ комнату и заспѣшила одѣваться.

Десять минутъ спустя, мать и дочь были уже на берегу и стали купаться. Галя раздѣлась, подобрала волосы подъ каучуковый чепецъ, надѣла на себя купальный костюмъ и въ первый разъ въ жизни рискнула ступить на мокрый песокъ прямо голыми ногами. Она прошла немного по

песку и затѣмъ побѣжала къ волнамъ. Вотъ она у самой воды.

На небѣ ни облачка, солнце ярко свѣтитъ и море такъ тихо, что тѣ волны, которыя бѣгутъ одна за другой по берегу, не кажутся страшными. Купальщица беретъ Галю за руку, и онѣ храбро входятъ въ прибой. И такъ пріятно идти черезъ эти бѣлые гребешки волнъ и чувствовать у голыхъ ногъ все поднимающуюся и поднимающуюся воду! Но вотъ волна достигаетъ уже до самыхъ колѣнъ, Галя чувствуетъ, какъ у нея захватываетъ дыханіе. Вотъ еще и еще! А вотъ такая волна, что хлещетъ ей прямо въ грудь. Дыханіе у нея становится глубокимъ и прерывистымъ, какъ у всѣхъ, не привыкшихъ входить въ глубокую воду, и дѣвочкѣ становится страшно. Тогда купальщица беретъ ее на руки и, выждавъ, когда подкатилась еще одна такая же волна, подставляетъ подъ нее дѣвочку и ее окатываетъ всю съ ногъ до головы. Она громко вскрикиваетъ и бросается купальщицѣ на шею.

— Ничего, барышня, не бойтесь, говоритъ купальщица.—Море не злое, оно васъ не обидитъ, развѣ только намочитъ немножко.

Но Галя умирала отъ страха: ей казалось, что она вотъ-вотъ утонетъ, и ей хотѣлось поскорѣе спастись, плакать, кричать... А ея мама, сидѣвшая на берегу и глядѣвшая на нее, весело смѣялась. Къ тому-же и всѣ другіе ребята бѣгали вокругъ нея по волнамъ, весело играли въ самомъ прибоѣ и всякій разъ, какъ приближалась каждая новая волна, радостно ее встрѣчали. И Галѣ

неловко было кричать и стыдно было передъ этими дѣтьми.

Увидѣвъ, что она боится, нѣсколько дѣвочекъ подбѣжали къ ней и протянули ей руки.

— Давай руку, дѣвочка, обратились онѣ къ ней,—мы будемъ всѣ вмѣстѣ плясать хороводомъ!

Но она не могла. Она уцѣпилась въ купальщицу и не выпускала ея шею изъ своихъ объятий до тѣхъ поръ, пока та не вынесла ее изъ воды и, чуть не полумертвую отъ страха, подвела ее къ матери.

— Ну? спросила Галя Анна Егоровна.

— Я больше никогда не пойду въ море! отвѣтила ей Галя и стала одѣваться.

— Хорошо, хорошо, ужъ тамъ увидимъ, спокойно отвѣтила ей мать.—Скоро и ты такъ-же будешь здѣсь рѣзвиться, какъ и всѣ эти другія дѣти...

Возвратившись въ гостиницу, Галя скоро оправилась отъ своихъ тревоженій, а затѣмъ въ одиннадцать часовъ всѣхъ позвали завтракать. Завтракали въ большой залъ гостиницы и когда успѣли за столъ, то Галя тотчасъ-же узнала за нимъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя утромъ приглашали ее на хороводъ. Она дѣйствительно не ошиблась, потому что ясно услышала, какъ одна изъ дѣвочекъ, тоже русская, обратилась потомъ къ своей мамѣ и сказала:

— Мама, вотъ та дѣвочка, которая боялась сегодня моря!

Галя покраснѣла и опустила глаза.

А когда кончился завтракъ и всѣ вышли опять на берегъ, то та-же самая дѣвочка подбѣжала къ Галѣ и сказала:—

— Давай познакомимся!

— Въ самомъ дѣлѣ, обратилась мать этой дѣвочки къ Аннѣ Егоровнѣ—почему-бы вашей дочери не присоединиться къ нашимъ дѣтямъ? Ихъ сейчасъ здѣсь цѣлое общество и всѣ они рѣзвятся отъ души. Познакомься-же, Катя, съ твоей новой подругой, спроси какъ ее зовутъ!

— Галя... отвѣтила за дочь Анна Егоровна.

Дѣвочки протянули другъ другу кѣ руки.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросила Катя Галя.

— Десять... отвѣтила та.

— Мнѣ тоже... А вотъ Эрнестинѣ одиннадцать.

И она указала на другую свою подругу, французенку, гулявшую вдаль.

— Иди сюда! обратилась она къ ней.—У насъ новая подруга!

Эрнестина подошла.

— Какъ твоя фамилія? спросила она Галя.

— Игнатѣва.

— А моя—Гарденина, сказала Катя.—Вы гдѣ всегда живете?

— Въ Москвѣ... отвѣтила Галя.

— А мы въ Харьковѣ! сказала Катя.—Такъ идемте-же играть! Чего терять время!..

Дѣвочки познакомились и пока такимъ образомъ разговаривали между собой, ихъ матери тоже обмѣнялись привѣтствіями и всѣ вмѣстѣ отправились на берегъ.

Съ этого дня Галя вошла въ компанію ребятишекъ, игравшихъ на берегу и оглашавшихъ весь берегъ своими смѣхами и крикомъ. Она познакомилась почти со всѣми дѣтьми, но ея подругами все-таки оставались эти двѣ дѣвочки,

съ которыми она познакомилась въ первый разъ, и которыя жили въ той-же самой гостинницѣ, гдѣ и она.

Однажды утромъ во время завтрака въ столовую вошли новыя пріѣзжія—высокая молодая дама въ траурѣ, очень скромно одѣтая, и съ нею дѣвочка лѣтъ одиннадцати тоже въ траурѣ, слабенькая, съ большими красивыми глазами. Она боязливо озиралась по сторонамъ и прижималась къ своей матери.

Онѣ сѣли за маленькій столикъ и молча стали завтракать. Послѣ завтрака онѣ такъ-же, какъ и всѣ другіе, перешли въ ту комнату, гдѣ мужчины читали газеты, дамы шили и вышивали, а дѣти бѣгали и рѣзвились въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ выйти на берегъ. Но и здѣсь, не зная никого, эти двѣ новыя гостьи держались въ сторонѣ.

Видя, съ какимъ интересомъ эта новая дѣвочка смотрѣла на другихъ дѣтей, Галя предложила своимъ подругамъ пригласить играть вмѣстѣ съ ними и ее.

— Нѣтъ, отвѣтила Эрнестина. Она насъ только стѣснить! Размазня какая-то...

— А мнѣ кажется, продолжала Галя—что ей просто неловко въ незнакомомъ обществѣ.

— Развѣ ты не замѣчаешь, обратилась къ ней Катя,—какъ обѣ онѣ одѣты? Точно простыя... Ни одной драгоценной вещи...

— Онѣ-же въ траурѣ! возразила Галя.—У нихъ кто-нибудь умеръ!..

— А что-жъ изъ того? Развѣ это можетъ помѣшать имъ окзаться впоследствии какими-нибудь мѣщанками или мужичками?

— Да вѣдь ты ихъ еще вовсе не

знаешь. Катя! все еще возражала Галя.—Развѣ мы знаемъ всѣхъ тѣхъ дѣтей, съ которыми играемъ теперь на берегу?

— Ну, это сразу видно, съ кѣмъ имѣешь дѣло! воскликнула Катя. — Взять хоть-бы тебя, на примѣръ... Я сразу-же догадалась при первомъ взглядѣ на тебя, что ты изъ хорошаго общества, потому что на тебѣ и на твоей мамѣ были хорошіе туалеты.

Польщенная этими словами, Галя уже болѣе не настаивала и продолжала играть со своими подругами, а новенькая дѣвочка все еще съ завистью продолжала на нихъ глядѣть.

Послѣ полудня онѣ снова встрѣтили ее на берегу и по-прежнему одну съ матерью, а затѣмъ вечеромъ, когда всѣ опять собрались въ той залѣ, гдѣ читали газеты и вышивали, и дѣвочки стали играть въ какую-то игру, то дама въ траурѣ подошла къ нимъ и подвела къ нимъ свою дочь.

— Пусть и моя дочь поиграетъ съ вами... ласково обратилась она къ нимъ.

Трудно было отвѣтить отказомъ. Галя тотчасъ-же согласилась, но двѣ другія дѣвочки надулись и отошли къ сторонѣ. Всѣ-же другія дѣти, бывшія съ ними, сразу охотно согласились и новая дѣвочка вошла въ веселую компанію дѣтей.

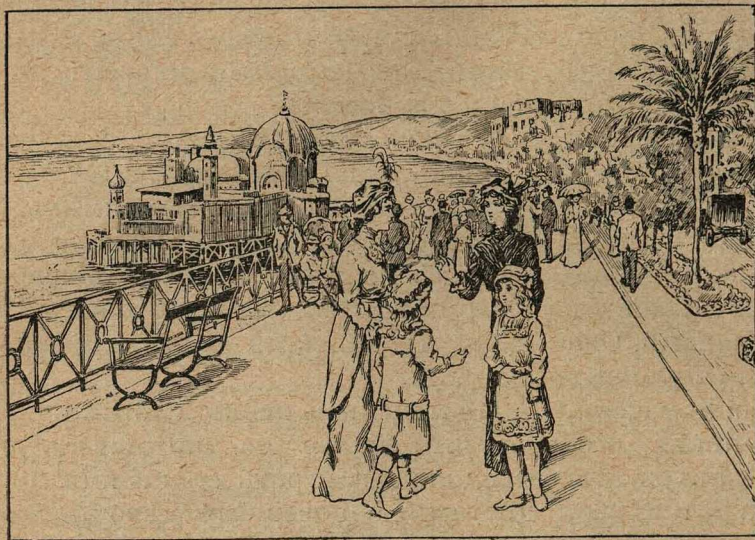
Галя подошла къ ней, стала съ ней рядомъ, и полная къ ней симпатіи, задала ей неизбѣжный у дѣтей вопросъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Мари Данто...

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Скоро десять.

— Давай познакомимся:

— А гдѣ ты живешь постоянно? Въ Парижѣ?

— Нѣтъ, — мы живемъ постоянно въ деревнѣ..

— Ну, вотъ видишь! воскликнула Катя. — Я такъ и предполагала! И по ея манерамъ видно, что она не городская!

Катя отлично говорила по-французски.

Мари опустила глаза и готова была заплакать.

— Вотъ видите, продолжала Катя уже обратившись прямо къ Мари. Мы всѣ живемъ въ столицахъ: я — въ Харьковѣ, Галя Игнатьева — въ Москвѣ, а Эрнестина — въ Парижѣ. И теперь вы отлично понимаете, что мы не принадлежимъ къ тому кругу, къ которому принадлежите вы. Но такъ какъ намъ жаль васъ и мы не желаемъ, чтобы вы оставались однѣ, то мы вамъ позволяемъ играть иногда вмѣстѣ съ нами. Вы довольны?

Катя гордымъ взглядомъ обвела своихъ подругъ.

Мари не смѣла поднять глазъ.

смѣшекъ Эрнестины и Кати Гардениной.

Черезъ нѣсколько дней город-

Въ столовую вошли новыя прїѣзжія.

— Да... отвѣтила она.

— Въ такомъ случаѣ давайте играть! обратилась къ ней Эрнестина.

Все еще смущенная, Мари приняла участіе въ игрѣ, но отъ волненія такъ ошибалась, что дѣвочки поднимали ее на смѣхъ. Такъ весь этотъ вечеръ и прошелъ для нея въ томъ, что она представляла собою предметъ для на-

Н о ч ь.

ское управленіе въ Ниццѣ затѣяло устроить для дѣтей большое катанье на ослахъ. Это—одно изъ удовольствій, которыми городъ щеголяетъ и въ которыхъ должны принимать участіе всѣ дѣти, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Поэтому, сколько бы ословъ ни было, они всегда бываютъ на-расхватъ и въ опредѣленный день, послѣ завтрака, почти у каждой калитки и у cadaго крыльца можно бываетъ увидѣть осѣдланнаго осла, ожидающаго своего владника. Вмѣстѣ съ дѣтьми отправляются на ослахъ и ихъ матери.

Мари тоже приготовилась къ этой поѣздкѣ и ожидала ея, какъ праздника. Вообразившія себя хозяйками, Эрнестина и Катя Гарденина тотчасъ-же послѣ завтрака быстро встали изъ-за стола и отправились къ осламъ.

Выйдя на улицу, онѣ обошли всѣхъ ословъ, оглядѣли cadaго изъ нихъ и выбрали себѣ самыхъ лучшихъ. Затѣмъ онѣ стали раздавать остальныхъ ословъ кому хотѣли. И еще долго слышались ихъ голоса:

— Пьеръ, вотъ тебѣ осель! Это тебѣ осликъ, Жанна! А вотъ осликъ и тебѣ! Остальныхъ осликовъ отправьте къ нашимъ знакомымъ въ гостинницу „Нордъ“.

И онѣ нарочно не обращали никакого вниманія на Мари, которая робко стояла въ сторонѣ. Проводники тотчасъ же увели ословъ по указанному адресу.

Въ самый разгаръ этого дѣлежа вышли на улицу и матери.

— А ты что же стоишь? обратилась къ Мари ея мама.—Развѣ ты не ѣдешь?

Мари взглянула на свою мать и губы у нея задрожали.

— Для меня не хватило осла... отвѣтила она.—Придется остаться дома...

— Какъ? воскликнула мать.— Вѣдь всѣ же дѣти ѣдутъ!

— Да, робко продолжала Мари,— но Эрнестина и Катя отослали всѣхъ лишнихъ ословъ въ другую гостинницу, гдѣ живутъ ихъ другія подруги...

— Какое же онѣ имѣли право?!

Но въ это время Катя и Эрнестина натянули уздечки и гордо поскакали впередъ. Къ нимъ хотѣла присоединиться и Галя Игнатьева, но ее остановила ея мама, будто бы для того, чтобы поправить на ней растрепавшіеся волосы.

Она была свидѣтельницей всей этой сцены и нарочно подошла поближе къ дочери, чтобы какъ-нибудь уладить дѣло.

— Что, если послать сейчасъ куда-нибудь и поискать тамъ осла для Мари? шепнула она Галѣ.— Навѣрное, найдется еще одинъ! Стоитъ только подождать какія-нибудь десять-пятнадцать минутъ и все устроится какъ нельзя лучше!

Но въ это время вся кавалькада двинулась впередъ.

— Какъ? Ждать? воскликнула Галя.— Не ѣхать сейчасъ? Ни за что на свѣтѣ!

И увидѣвъ, какъ гордо держались на ослахъ Эрнестина и Катя, она захотѣла присоединиться къ нимъ и ѣхать вмѣстѣ съ ними во что бы то ни стало.

— Нѣтъ, мамочка, я поѣду сейчасъ, чуть не заплакала она.—А то что за охота каждому ѣхать врозь!

Что-то странное шевельнулось у нея въ душѣ и ей сразу вдругъ пришло на умъ, что она нехорошо поступала, отказываясь подождать Мари. И она хотѣла уже остаться и даже предложить ей своего осла, но вспомнила, съ какими насмѣшками встрѣтятъ ее Эрнестина и Катя и какъ назовутъ ее размазней за то, что она послѣдовала влеченію своего сердца! И, подавивъ въ себѣ чувство раскаянія, она дернула за уздечку, хлопнула хлыстикомъ и поѣхала за своими подругами.

Взявъ Мари за руку, дама въ траурѣ повернулась и ушла къ себѣ въ гостиницу.

А Галѣ было стыдно и жаль Мари. Она придержала немного осла, хотѣла было уже не ѣхать далѣе, а возвратиться въ гостиницу и провести время вмѣстѣ съ Мари, но въ тоже время неиспытанное ею еще ни разу въ жизни удовольствіе прокатиться верхомъ увлекло ее, и, съ грустью посмотрѣвъ на удалявшихся мать и дочь, она хлестнула по ослику и поскакала на немъ въ догонку за кавалькадой.

И, присоединившись къ своимъ подругамъ, она рассказала имъ все, что произошло.

— Это я нарочно такъ подстроила, отвѣтила ей Катя, — чтобы не пустить въ нашу компанію эту несносную Мари! Правда, ловко я это сдѣлала?

Галя посмотрѣла на нее и не отвѣтила ничего.

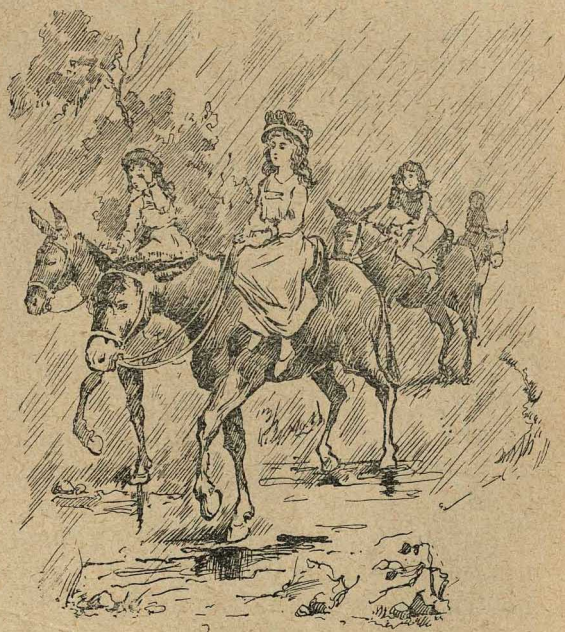
„Какая злая“, подумала она про нее.

Облако пыли поднялось по шоссе и, разрастаясь все шире и шире, поглотило въ себѣ кавалькаду.

А когда оно промчалось далѣе и всѣ стали протирать себѣ глаза, то впереди послышалось далекое глухое ворчанье грома. Зашумѣли деревья, небо какъ-то сразу стало свинцово-сѣрымъ и для всѣхъ стало яснымъ, что погода переменилась и что прогулкѣ уже не бывать. Засверкала молнія, загремѣлъ сильнѣе громъ и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Кто говорилъ, что необходимо вернуться сейчасъ же, а кто совѣтовалъ продолжать путь и укрыться отъ дождя въ недалекомъ лѣсу. И кончилось тѣмъ, что всѣ бросились вразсыпную и стали спасаться, кто куда могъ.

И когда кавалькада вернулась обратно въ Ниццу, то всѣ были мокры до костей и ни на комъ не было ни одной сухой нитки.

Когда Галя вернулась домой, то ей было какъ-то не по себѣ. Что-то безпокойное шевелилось у нея

Кавалькада вернулась обратно.

въ душѣ и ей было обидно за Мари и досадно на себя, что она во время не сдержалась и отдалась на волю своихъ двухъ подругъ. Къ тому же ея мама была какъ то скучна и вздыхала.

— Мама, чего ты вздыхаешь? спросила она ее.

Мама опустила глаза и сказала:

— Мнѣ грустно, что у меня такая недобрая дочь.

Галя посмотрѣла на нее и на глазахъ у нея заблестали слезы.

— Прости меня, мама... сказала она. — Я такъ себя ругаю за то, что не согласилась подождать Мари!

А громъ все гремѣлъ, дождь лилъ ручьями весь этотъ день и всю слѣдующую ночь.

Съ этого дня Мари и ея мама еще болѣе стали держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ. Онѣ по прежнему были со всѣми любезны, но только теперь Мари уже не играла съ другими дѣтьми, а была представлена самой себѣ.

Но случилось такъ, что судьба еще разъ втолкнула ее въ общество веселившихся ребятъ.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь занять вечера, которые становились уже долгими, въ гостиницѣ затѣяли дѣтскій вечеръ. Было объявлено, что каждый изъ дѣтей, жившихъ въ гостиницѣ, можетъ принять участіе въ этомъ вечерѣ въ качествѣ дѣйствующаго лица и предложили и Мари, чтобы выступила и она.

Ея мать разрѣшила ей только прочесть стихи. Зрителями и слушателями должны были быть родители самихъ юныхъ актеровъ и только люди, жившіе въ гостиницѣ.

Въ день спектакля дѣти становились все возбужденнѣе и возбужденнѣе и никакъ не могли дожидаться, когда же наконецъ наступитъ вечеръ. А когда стало смеркаться, дѣвочки не могли уже долѣе владѣть собою и стали одѣваться въ свои лучшія платья. Эрнестина и Катя Гарденина старались быть какъ можно наряднѣе и считали себя интереснѣе всѣхъ.

Онѣ заранѣе предвкушали то удовольствіе, съ какимъ будутъ смѣяться надъ чернымъ, траурнымъ платьемъ Мари. Мадамъ Данто и Мари явились позднѣе всѣхъ. Мать по-прежнему была въ глубокомъ траурѣ, а ея дочь, на этотъ разъ была въ бѣломъ простенькомъ платьицѣ, спитомъ изъ легкой матеріи, безъ всякихъ украшеній. Ея волосы спускались у нея по плечамъ и золотою шелковою рамкой окружали ея хорошенькое личико, ставшее отъ этого еще милѣе.

— Ахъ, какъ мы сегодня интересны! проворчала на нее Катя и почувствовала, какъ зависть наполнила ей душу. — Мы сегодня уже въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами!..

Началось представленіе. Сначала дѣвочки поиграли на рояли, а затѣмъ поднялся занавѣсъ и начался спектакль. Въ немъ выступили Катя и Эрнестина, игравшія съ большою развязностью. Потомъ вышла Галя и скромно прочитала съ какою-то другою дѣвочкой басню въ лицахъ. Наконецъ дошла очередь и до Мари.

Она вышла на сцену и опустила изъ скромности глаза. Эрнестина и Катя тотчасъ же стали перешептываться между собою на ея

счетъ и смѣяться. Но скоро онѣ должны были замолчать, потому что то, что онѣ услышали, было дѣйствительно очень хорошо.

Просто, безъ всякихъ кривляній и ломаній, съ большимъ чувствомъ Мари прочла стихи, которые были такъ-же просты и красивы, какъ и она сама.

Въ бѣломъ платьѣ, съ чистыми, какъ у ангела, глазами, съ изящной скромностью и чисто-дѣтской граціей, она просто держалась на сценѣ и всѣ тотчасъ-же обратили на нее вниманіе. Все въ ней было естественно и когда она кончила, то просто направилась къ своей матери, несмотря на то, что вся зала ей апплодировала,—и скромно сѣла рядомъ съ нею.

— Навѣрное, это какая-нибудь заѣзжая актриса и ея дочь!.. говорила публика о г-жѣ Данто и о Мари, такъ какъ до сихъ поръ еще никто не зналъ, кто это такія.

Затѣмъ начались танцы.

—

Зависть все еще кишѣла въ душѣ у Кати.

— Знаешь, что? обратилась она къ Галѣ. Если эта Мари танцуетъ, то теперь она у насъ запляшетъ!

— Что это значитъ? спросила Галя.

— Я скажу всѣмъ своимъ знакомымъ мальчикамъ, что она вовсе не умѣетъ танцевать и только путаетъ, и ее никто не пригласитъ.

— Неужели ты это сдѣлаешь?

— Да еще какъ! Эрнестина мнѣ поможетъ. И будь покойна, мы такъ посмѣемся надъ нею, что она долго не забудетъ! Насидится она у насъ въ углу!

И дѣвочки выполнили свою

угрозу. Еще задолго до танцевъ онѣ обошли всѣхъ своихъ знакомыхъ и вездѣ распустили слухъ, что Мари вовсе не умѣетъ танцевать и что всякій, кто ее пригласитъ, только испытаетъ неловкое положеніе.

— Въ такомъ случаѣ я ее вовсе не приглашу, сказалъ Пьеръ.

— Я тоже, рѣшилъ Жанъ.

А русскій мальчикъ Митя Ивановъ подумалъ и сказалъ:

— А, можетъ быть, она умѣетъ плясать русскую? Тогда я съ ней могу...

Заиграла музыка, начались танцы, всѣ завертѣлись, но Мари съ мамой такъ и остались одинокими въ сторонѣ. Мари не пригласилъ никто. Замѣтивъ это, распорядитель танцевъ предложилъ одному мальчику немедленно-же пригласить Мари. Но въ эту самую минуту къ нему подскочила Катя Гарденина и сказала:

— Не заставляйте его танцевать съ ней! Мы отлично знаемъ, что эта дѣвочка не можетъ танцевать! У нея и у ея мамы еще не кончился трауръ.

Распорядитель повѣрилъ ей и сталъ высказывать мадамъ Данто сожалѣніе, что ея дочь Мари не можетъ принять участіе въ танцахъ.

— Не жестоко-ли, сударыня, съ вашей стороны, обратился онъ къ ней,—что изъ-за траура вы не позволяете вашей дочери танцевать?

— Я не позволяю? удивилась г-жа Данто.—Да я ее только для танцевъ и привела сюда! Не виновата-же я, что ее никто не приглашаетъ!

— Какъ? воскликнулъ распорядитель.—Вы разрѣшаете ей танце-

пать и она дѣйствительно умѣть? Но почему-же вотъ тѣ двѣ барышни сообщили мнѣ, что именно вы, мадамъ, запрещаете ей танцевать!..

Мадамъ Данто смолчала. Тогда распорядитель танцевъ понялъ, въ чемъ дѣло, и самъ пригласилъ Мари танцевать.

Онъ подошелъ къ ней и отвѣсилъ ей почтительный поклонъ.

— Позвольте мнѣ пригласить васъ на вальсъ... обратился онъ къ ней.

— Простите, вѣжливо и просто отвѣтила ему она.— Но я еще маленькая, а вы уже почтенный господинъ, и я боюсь васъ затруднять...

Но онъ не далъ ей договорить и понесся съ ней по залѣ.

Она танцевала отлично и такъ легко, что ноги ея едва касались

земли и было похоже на то, что это танцуетъ не дѣвочка ея лѣтъ. а какая-нибудь фея, на которую сошлись смотрѣть всѣ добрые лѣсные духи.

— Она танцуетъ! Она танцуетъ! послышался шопотъ.

— Да еще какъ отлично! заговорили другіе.— Но вѣдь Катя Гарденина сказала намъ, что она вовсе не умѣетъ!

И всѣ бросились ее приглашать. Теперь Мари не успѣвала уже отвѣчать на приглашенія, танцевала со всѣми и когда настало время и мама напомнила ей, что пора уже уходить, то она просто простилась со всѣми и послушно послѣдовала за нею домой.

А Эрнестина и Катя Гарденина отошли къ сторонкѣ и стали придумывать, какъ-бы имъ отомстить ей за то, что имъ пришлось за себя покраснѣть.

Но это имъ не удалось, потому что на слѣдующее утро Мари и ея мать уже уѣхали неизвѣстно куда. Онѣ уплатили по счету, и съ первымъ-же поѣздомъ отправились изъ Ниццы неизвѣстно куда.

А вслѣдъ за ними покинули Ниццу и Галя съ мамой. Прощаясь съ Эрнестиной и съ Катей, Галя обѣщалась имъ писать и дала имъ свой адресъ. А затѣмъ онѣ дали другъ дружкѣ слово, что пріѣдутъ на будущій годъ опять въ Ниццу, и разстались. Анна Егоровна смотрѣла на нихъ и улыбалась, такъ какъ отлично знала, что до будущаго года еще много воды утечетъ и что не всегда и не всякая дружба бываетъ долговѣчной.

И опять потянулись передъ Галей Франція, Рейвъ, Германія, Бер-

— Позвольте мнѣ пригласить васъ на вальсъ.

линъ. И чѣмъ ближе она подѣзжала къ Россіи, тѣмъ все дальше и дальше отодвигалась въ ея душѣ Ницца съ ея подругами и тѣмъ сильнѣе и сильнѣе ей хотѣлось увидѣть братьевъ и отца, услышать русскую рѣчь, читать русскія вывѣски. Но вотъ уже граница. Входятъ русскіе жандармы, отбираютъ у нихъ паспорта, потомъ возвращаютъ ихъ, онѣ пересаживаются въ другой поѣздъ и переѣзжаютъ черезъ границу. Онѣ въ Россіи.

Скорѣй, скорѣй!

Вотъ ужъ Варшава, вотъ Брестъ-Литовскі, вотъ и Смоленскъ... Черезъ какіе-нибудь семь-восемь часовъ Галя уже увидитъ Москву съ ея церквами, длинными заборами, оборванными извозчиками и

множествомъ голубей. Но все это близко ея душѣ и, высунувшись изъ окна вагона, несмотря на прохладный осенній день, она все глядитъ и глядитъ впередъ, гдѣ передъ нею въ далекой синевѣ должны показаться куполы храма Христа Спасителя и Иванъ Великій.

Но вотъ уже близко... Передъ нею Москва, поѣздъ останавливается, раздаются свистки, начинается давка, толкотня, всѣ спѣшатъ изъ вагоновъ и не заботятся другъ о другѣ. Галя тоже выскакиваетъ изъ вагона и озирается по сторонамъ. Къ ней подбѣгаютъ два гимназиста и какой-то высокій господинъ. Это ея братья и отецъ. Она бросается къ нимъ на шею и отъ радости начинаетъ плакать...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Шутка: Когда люди рискуютъ?
(предложилъ Н. Краузъ).

II.

Какая разница между огнемъ и сквернымъ мальчишкой?

III.

Лошадь пробѣжала весь путь до станціи въ два часа и такъ: въ первый часъ она пробѣжала 12 верстъ и во второй половину всего пути.

Сколько верстъ пробѣжала лошадь?

IV.

Лежалъ левъ за кустомъ и глодалъ кость. Пришли люди, пой-

мали его и посадили въ клѣтку. Зачѣмъ именно они его поймали и за что посадили въ клѣтку?

V.

Задуманы три слова, означающія:

1. То, что мы любимъ имѣть къ чаю.

2. Лиственное дерево.

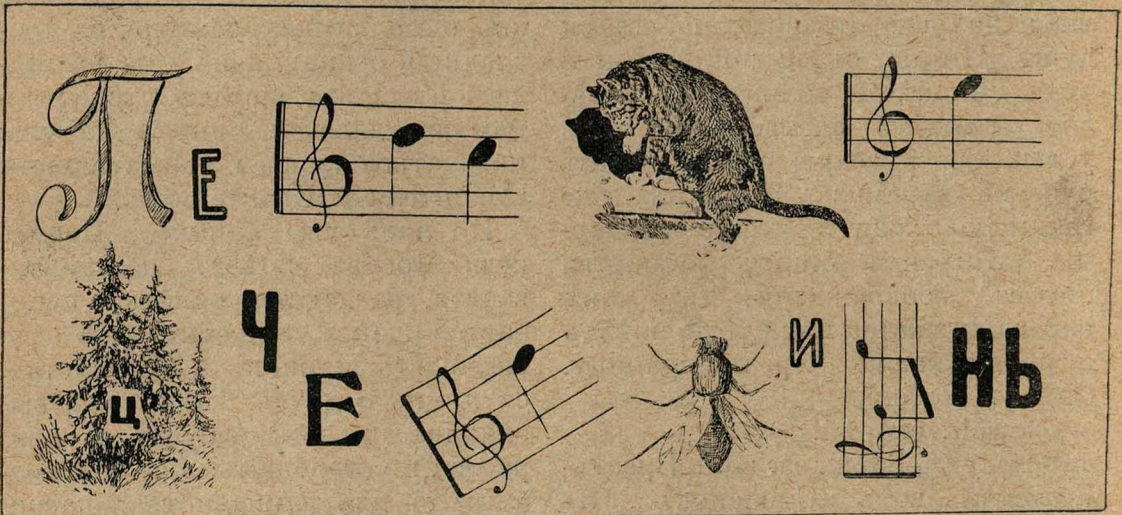
3. Домашнюю птицу.

Первый слогъ отъ перваго изъ этихъ словъ, второй отъ второго и третій отъ третьяго должны составить собою названіе пушнаго звѣря.

Какія слова задуманы и какой это звѣрь?

Ребусъ № 7.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 7, помѣщенныя въ № 7 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Чай и рука (Чайка). II. Лотъ, ремонтъ, левъ, воронъ, теремъ, молотъ = Лермонтовъ. III. По канавамъ и задворкамъ. IV. Очки. V. Корона, рыба, товаръ = корыто. VI. По землѣ.

Ребусъ № 5. М + ужи + ки п + оси + н + ели + отъ + мо + роза + п + пе + ре + ступа + ли + нога + ми = Мужики посинѣли отъ мороза и переступали ногами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Лена, Юра, Витя и Наташа Цвѣтковы, Леша и Коля Охонскіе, Вася Батьковъ, Зина и Юра Мавштейнъ, Коля Лавровъ изъ Харькова, Гриша Кобылинскій, Володя, Шура, Грета и Мурзилка Кренигъ, Вася Васильковъ, Таня Савостьянова, Кира Брюшкова, Митя Михалевъ, Таня и Оля Завьяловы, Толя и Маня Крупчановы, Я. Ласкинъ, Нина Дембо, Ал. Рожковъ, Жозя и Али Фридендеръ, Шура, Арся и Вѣра Николаевы, Вѣрочка Бари, Жена, Люся и Сережа Мокшановы, Ник. Краузъ, Вася Латкинъ, Толя Покровскій, Аня и Эрикъ Радазевскіе, Валя Геребрикова, Коля Мартышевъ, Шура и Коля Москаленко, Сережа Суусъ, Соня Чефанова, Нюра Новикова, Лида Сясина, Тоня Малевичъ, Марія Мусселусъ, Натуся Розенцвейгъ, Таня и Ира Палевичъ, Янина Прухницкая, Володя Крестовскій, А. И. Козыринъ, Людмила Аксютина, дѣти Шушерovy, Ник. Злотогурскій, Коля Нѣмцовъ, Евгений, Рудя и Фаня Глинтерникъ, Жена, Вася и Эмма Мартенсъ, Еня Куклинъ, Коля Лобачевскій, Зина Умнякова, Толя Роднинъ, Коля, Сима и Леля Осмачкины, Володя Блумбергъ, Оля Славковичъ, Андриша и Оля Бетцъ, Ника Сухановъ, Алексѣй и Наташа Фотинскіе, Ирина Виноградова, Аня и Сима Шатовы,

Тата Иванова, Гога Адеркасъ, Галя Мильчевская, Елена Евреинова, Ал. Сташукъ, Люба Злочевская, Всев. Горлынский, Андриша Колчинскій, Алеша Гадзяцкій, Шура Ласунскій, Всев. Баскевичъ, Оля Бондаренко, Тоня Янчевскій, Эмма Кубовецъ, Али Иванова, Саша Красникъ, Леонидъ Красникъ, Идочка Г., Ната, Мида и Валя Колпаковы, Ирена и Геля Рахтъ, А. Фомина, Аня Панченко, Шура Малолѣткова, Павля Герасимовъ, Маруся и Германъ Тизенгаузенъ, Витя и Лида Шубины, Тамара Печковская, Витя и Тоня Леу, Воля Тушмаловъ, Леля Корзинщикова, Митя Снисаренко, Вася и Туся Пестовы, Тана Акимова, Василий Черкасовъ, Рита Круссеръ, Шурикъ Захаровъ, Вобъ Штральборнъ, Нюта Левиновичъ, Л. А. Ковалевскій, Валя Лившицъ, Алфредъ Зандерсонъ, Валя Колачевъ, Вася Сычевъ, Зося Агага, Слава Кирилловъ, Тана Евстратова, В. Щепотьева, Леля и Нина Кусавины, Толя Зинчевскій, Котя Цуцунана, Леонидъ Турбинъ, Валя Зейдлеръ, Катя Сухова, Ира Флоринская, Юра Карабашковъ, Витя и Валя Януцевичи, Надя и Ендрикъ Виноградовы, Люба Щеллова, Одея Киселевъ, Витя Сегаловъ, Вова, Витя и Надя Охременко, Коля Евтушевскій, Варя Янченко, Т. Бунина, С. Дрихлова М. и О. Гемпель, Володя Девяткинъ, Анна Карпенко, Шура Крохинъ, М. и Г. Алроз, В. Б. и Ш. Заксъ, А. А. Сидоровъ, Еня Иванова, Софочка Безирганова, Ссережа Ксенократовъ, Вл. Дахновъ, Яша и Миша Хотяковы, В. Ю. и В. Соснержъ, Ю. и С. Ярошевичъ, Нина Журавская, В. и Л. Соколовы, Ю. Волошинъ, В. П. и М. Георгіевскій, Т. Орешкевичъ, К. Богомыслова, Нина Петрова, Миша Третьяковъ, Оля Сыромяткина, Вѣра Упырина, А. Государевъ, Н. Зеленская, Оля Хитрова, Володя Стольниковъ, М. З. и Б. Камкины.

ГОДЪ ВЕРНОЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ
(с 1-го по 12-й томъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

При каждом

жесточку

1911
1912
1913
1914
1915

Е

Ученый

Под
на годъ

Подписки
„Золотое Дѣтство“

„АНТИКОПИИ ОСТАВЛЯЮ“

Журналъ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“
ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“ . Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.,

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ . Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.